

**Номинации бездельников в прибалтийско-финских языках:
реконструкция прототипической семантики движения**

И. И. Муллонен

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
г. Петрозаводск, Российская Федерация,
irma.mullonen@hotmail.com*

АННОТАЦИЯ

Введение. На материале финского и карельского языков рассмотрены восемь дескриптивных многозначных слов, в семантической структуре которых присутствует сема 'лентяй, бездельник' (гнезда *jona, jähmä, kihnu, kotka, könsä, sitkeä, töhmä, vänkä*). Они отобраны из более двух десятков соответствующих номинаций как демонстрирующие общий алгоритм семантического развития.

Цель: выявить происхождение номинаций и логики когнитивного восприятия образа бездельника.

Материалы исследования: диалектные словари, картотека финских и карельских говоров.

Результаты и научная новизна. Доказано, что рассмотренные именованья лентяев вторичны и восходят к словам с семантикой «твёрдый, жёсткий, негибкий»: околеченевший от холода, оледенелый, тугой. При этом оказалось, что последние соотносятся с производящими основами, маркирующими медленное, с преодолением сопротивления, движение. Тем самым устанавливается семантическая эволюция от «медленное, преодолевающее сопротивление, движение» через «твёрдый, жёсткий» к «ленивый». Такая линия подтверждается номинациями трудолюбивых, во внутренней форме которых обнаруживаются глагольные основы, тоже характеризующие движение, но быстрое, резкое. Установленная закономерность позволяет продвинуться в поисках этимологических истоков номинаций ленивых. Сейчас лексемы, репрезентирующие установленную семантическую парадигму, фактически разведены по разным этимологическим статьям и связь между ними чаще всего никак не обозначена.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, этимология, этнолингвистика, многозначность, семантико-мотивационная реконструкция, семантическая деривация, сема, внутренняя форма слова, этимологическое гнездо, дескриптивная лексика

Благодарности: Публикация подготовлена в рамках плановой темы НИР «Прибалтийско-финские языки Северо-Запада России в условиях цифровизации научных знаний» (рег. №124022000089-4).

Для цитирования: Муллонен И. И. Номинации бездельников в прибалтийско-финских языках: реконструкция прототипической семантики движения // Вестник угроведения. 2025. Т. 15. № 2 (61). С. 264–273.

**Nominations of lazy people in the Baltic-Finnish languages:
reconstruction of the prototypical semantics of movement**

I. I. Mullonen

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russian Federation,
irma.mullonen@hotmail.com*

ABSTRACT

Introduction: based on the material of the Finnish and Karelian languages eight descriptive polysemantic words are considered, in the semantic structure of them the seme 'lazy person, slacker' is present (the nest *jona, jähmä, kihnu, kotka, könsä, sitkeä, töhmä, vänkä*). They are selected from more than two dozen corresponding nominations as demonstrating a common algorithm of semantic development.

Objective: to identify the origin of nominations and the logic of cognitive perception of the image of a slacker.

Research materials: dialect dictionaries and card index of Finnish and Karelian subdialects.

Results and novelty of the research: it has been proven that the considered names of lazy people are secondary and go back to words with the semantics of 'hard, rigid, inflexible': shrammed with cold, iced, tight. It turned out that the latter are related to the productive bases marking slow movement with overcoming resistance, movement. Thus, a semantic evolution is established from 'slow, overcoming resistance, movement' through 'hard, rigid' to 'lazy'. This line is confirmed by the nominations of hard-working people, in the internal form of which verb stems are found that also characterize movement, but fast, abrupt. The established pattern allows us to advance in the search for the etymological origins of the nominations of lazy

people. Now the lexemes representing the established semantic paradigm are actually separated into different etymological articles and the connection between them is most often not indicated in any way.

Key words: Baltic-Finnish languages, etymology, ethnolinguistics, polysemy, semantic and motivational reconstruction, semantic derivation, seme, inner form of a word, etymological nest, descriptive vocabulary

Acknowledgments: the publication was prepared as part of the planned research topic “Baltic-Finnish languages of Northwestern Russia in the context of digitalization of scientific knowledge” (№ 124022000089-4).

For citation: Mullonen I. I. Nominations of lazy people in the Baltic-Finnish languages: reconstruction of the prototypical semantics of movement // *Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies*. 2025; 15 (2/61): 264–273.

Введение

В феннистике лексико-семантические исследования не получили широкого развития. Считается, что немаловажную роль в этом сыграло неприятие столпами финской младограмматической школы исторической семантики в этимологических исследованиях [17; 20]. Идеи и методы когнитивной лингвистики проникали в феннистику медленно, и в область лексической семантики даже позже, чем грамматической. При этом отдельные разрозненные публикации прошлых лет [25], даже при отсутствии разработанной методики, свидетельствовали о перспективности исследования семантической деривации применительно к номинации человека по различным внутренним и внешним его признакам. Важная с позиций семантической деривации дескриптивной лексики работа, развивающая идеи Л. Хакулинена, появилась в конце прошлого века [19].

В современной прибалтийско-финской лексикологии семантические исследования в ракурсе когнитивной парадигмы занимают маргинальную позицию. Тем не менее, определённые её аспекты поднимаются в публикациях, решающих задачи этимологического анализа [5; 21], рассматривающих лексику с точки зрения лингвокультурологии и выявления культурной информации (целая серия публикаций об именовании карельских мифологических персонажей [7; 8; 9], анализирующих проблемы полисемии [15] или метафоризации [28].

В статье рассматривается фрагмент лексико-семантического поля «ленивый», выраженный рядом многозначных слов, в семантической структуре которых присутствует значение «бездельник». В этимологических источниках номинации лентяев, как правило, представляются как дескриптивные, и далее этого «приговора» этимологически не анализируется. Однако номинации человека (его оценочные

характеристики), как правило, носят в иерархической структуре полисемантических слов вторичный характер, т. е. в действительности дескриптивность свойственна не им, а исходным основам. Задача состоит в том, чтобы провести семантическую реконструкцию многозначных слов, в структуре значения которых выделяется сема «лодырь», т. е. восстановить мотивационную базу слов, её вероятностные изменения, продвинувшись тем самым в этимологической интерпретации содержания.

Материалы и методы

Материал для исследования собирался главным образом по словарям финских и карельских диалектов, с привлечением в качестве фоновых данных из других прибалтийско-финских языков. Кроме словарей использовались данные полевых экспедиций, хранящиеся в Картотеке топонимов Карелии (далее КТК)¹. Из списка номинаций (более 20 корней со множественностью модификаций) к анализу привлечены те, которые демонстрируют общую линию семантического развития.

Для анализа использованы некоторые методологические разработки и результаты исследований, полученные в славянской этнолингвистике. Особенно полезны оказались работы С. М. Толстой, посвящённые многозначности слова, семантической реконструкции праславянской лексики, культурным контекстам слов, относящихся к человеку, смысловым линиям, организующим семантическое пространство гнезда [13; 14]. Из последних по времени публикаций, подготовленных в русле Московской семантической школы, номинации человека посвящена [2]. В качестве источника сопоставительного славянского материала привлекалось исследование М. А. Ерёмовой [4], в котором в этнолингвистическом аспекте рассматривается комплекс представлений, свя-

¹ Помимо топонимов картотека включает сведения о карельской антропонимии. Последняя, в свою очередь, нередко воспроизводит в основе некалендарных имён и прозвищ лексику, характеризующую личностные качества человека.

занных с языковой оценкой человека по его отношению к труду.

Результаты

Характеристики человека в народной речи, говорах исключительно многообразны и выстраиваются нередко в длинные синонимические ряды. Для литературного финского *laiska* «ленивый» в говорах обнаруживаются десятки синонимов – полных или не совсем. Их первая особенность состоит в том, что абсолютное большинство номинаций характеризуется экспрессивной семантикой и имеет дескриптивную природу. Всего привлечено около 20 номинаций, точнее – 20 корней, каждый из которых даёт большое количество фонетических модификаций и суффиксальных производных. Действительно, словари фиксируют длинный ряд близких по звучанию основ, своего рода фонетических вариантов с варьированием гласных и согласных, которое иногда находит объяснение в фонетических закономерностях, а иногда – нет, что согласуется с дескриптивной природой номинаций. Широко наблюдается варьирование губных *o / u* и их передних и задних вариантов, т. е. *o / ö, u / y*, взаимозаменяемость *kk / tt*, геминат и одиночных взрывных. Нередко номинации образуют целый конгломерат из множества близких по звучанию и семантике единиц (фин. *juntta, juntti, junti, jöntti, jontti, junsä, jonkka*), часто осложнённых суффиксальными образованиями и сопровождающихся чередованием слабой и сильной ступени в основе (*jontikko, jonsea, jonakka, jonkale, jonkura, junttana, junsas* и т. д.). Поэтому приводимые далее ряды могут в действительности рассматриваться как цепочка или серия звуковых модификаций. При этом в словарях (включая этимологический), которые послужили основным источником материала, они нередко подаются в разных словарных статьях. Вторая особенность этой группы лексики заключается в том, что практически всегда значение «ленивый» – лишь одно в целом ряду других, присущих многозначным лексемам. При этом

в словарных статьях нет последовательности в их подаче: в одном случае признаки перечисляются через сочинительные отношения, т. е. через запятую, а в другом тот же набор признаков разнесён на разные значения. Приведём в качестве примера фрагмент из словаря финских народных говоров “Suomen murteiden sanakirja” [26], демонстрирующий эту произвольность:

Juntti определяется как ‘непослушный, своевольный, ленивый, тупоголовый’, а в его производном *Junttura* тот же набор признаков разделён на два значения: 1. Большой, крепкого телосложения, неуклюжий; 2. Строптивый, ленивый, неумный. В фонетическом варианте *Junsä* подача значений вообще не вполне корректна: ‘ленивый, непослушный, медлительный: упрямец, строптвец’.

Несмотря на разноречивость в оформлении многозначных слов, использующихся в номинациях лодыря, явно просматриваются регулярные семантические отношения. Они включают в целом единый набор сем, в одних случаях более, в других – менее развёрнутый, демонстрируя то, что предложено именовать регулярной многозначностью [1, 193–215], при которой сочетание двух (или более) значений представлено в целой серии слов. Ниже предлагается несколько лексических гнезд с повторяющимся набором сем¹.

1. *Jona, jonakka, jono* ‘беспомощный; нерасторопный; бездельник’, к которым примыкает фонетический модификат *jönö* ‘неуклюжий, грубо сделанный; леноватый’, а также *jonni* ‘о ленивом подростке’, *jontikko* ‘о толстом и ленивом’. Семантическая парадигма слова *jonttura* кроме значения ‘бездельник’ включает также ‘кривое дерево’, свойственное и варианту *jonteva*. При этом *jono* и *jonnikka* – это ещё и ‘закисшее молоко’. Сема внешности присутствует по крайней мере в модификате *jonokki* ‘о высоком, худом, неуклюжем мужчине’. В свою очередь, ещё один вариант основы в виде *jonsV-* представлен в *jonsea* ‘жесткий, тугой; медлительный; ленивый’ и *jonsakka* ‘негибкий, жесткий (о дереве)’. В карельских

¹ Для большей компактности текста ссылки на два основных источника материала: для финских говоров “Suomen murteiden sanakirja” [26], а для карельских – “Karjalan kielen sanakirja” [16] – не приводятся. В случае обращения к другим словарям, а также картотекам полевых материалов указывается соответствующая ссылка.

говорах основа зафиксирована как глагольная: *jonnottoa* (*jon'n'ottoa*) ‘стоять неподвижно, без дела’ [24, 62], *jontšissellakseh* ‘сопротивляться, упрямиться (напр., о лошади, которая не желает идти вперёд)’. Приведённый ряд дополняется финским *juna* ‘о медлительной и ленивой лошади’, *junikka* ‘упрямый; тупоголовый’, а также устойчивым выражением *jauhaa junia* ‘спорить’. Здесь же отмеченные выше *juntu*, *junttura* и *junsa*, а также их карельские соответствия от основы *junčV-*: *junčakka* ‘о медлительном в движениях ленивом человеке или животном’, *junčisko* ‘об упрямой, ленивой лошади’. Присовокупим сюда же глагол *junčottoa* ‘капризничать, смотреть исподлобья, дуться’.

2. **Jähmä.** Данный ряд сформирован финскими *jähmä* ‘громоздкий (о человеке), неуклюжий, с замедленными движениями’, но ещё и ‘молчун’, *jähmeri* ‘медлительный и тихий’ (тихоня), *jähmerö*, *jähmys* ‘замедленный, заторможенный’, *jähmyri* ‘неповоротливый, с замедленными движениями’, но также ‘лодырь’, *jähmyrä* ‘неуклюжий’, *jähmäkkä* ‘неповоротливый; вязкий, тугой (напр., смола на морозе)’, *jähmäkkö* ‘ленивый’, *jähmäkäs*, *jähmäle* ‘малоподвижный; ленивый’. В карельских говорах *jähmerö* ‘неуклюжий, увалень’, *jähmie*, *jähmäkkä* ‘затвердевший, окоченелый’; ливв. *jämei* ‘толстый’, *jämetä* ‘становиться более твёрдым, жёстким’ [11, 112].

Видимо, как фонетический вариант следует рассматривать фин. *jämä*, *jämerä*, *jämeä*, *jämäkkä*, карел. *jämie*, *jämäkkä*, *jämäkkö*, в семантической структуре которых ‘прочный, здоровый, сильный; жёсткий, негибкий, непреклонный, упорный; строптивый, упрямый; неповоротливый, неуклюжий; вязкий, тягучий; окоченелый. В этом ряду находит своё место и ленивый: в финском юго-восточном диалекте *jämäkkä* помимо перечисленных выступает также в семантике ‘медлительный, ленивый’, это же значение зафиксировано и в территориально смежных карельских говорах: собс.-карел. *jämäkkä*, *jämäkkö*: *jämäkkä on roadamah* ‘ленивый в работе’, а также *jämäkehteä* ‘лениться’: *elä jämäkehä, roa kui roadanet!* ‘не ленись, работай как надо’, ливв. *jämäkästi roatah* ‘лениво (медленно) работает’ [16]. Добавим ещё одну фонетическую версию: карел. *jämpäkkö*

‘окоченелый, негибкий’ [24, 66] при *jämpistyö* ‘деревенеть, застывать, коченеть, цепенеть’ [12, 76], ливв. *jämpistüö* ‘коченеть, замерзать’ [11, 112], фин. *jämpätä* ‘медленно брести’.

3. **Kotka.** Этот ряд примеров сформирован на базе основы *kotka* и её переднерядного аналога *kötkä*, а также их суффиксальных и слабоступенных (*kotj-* ~ *kötj-*) вариантов, известных финским говорам. В них на первый план вынесены признаки внешности: с одной стороны, имеющий внушительные размеры (о мужчине, ребёнке или, например, рыбине, лошади, предмете), верзила, увалень, громоздкий: *kotjale*, *kotju*, *kötjake*, *kotkale*, *kotka*, *kötkylä*, *kötkä*, с другой ‘долговязый’: *kotjake*, *kotju*, *kotkale*, *kotko*, *kotkotin*, *kotkula*. Вторая группа сконцентрирована на личностных признаках, сплошь отрицательных: инертный, безвольный, заторможенный (*kotjake*, *kotju*), беспутный человек, забулдыга (*kotjake*, *kotkule*), проказник (*kotkare*), бродяга (*kotko*), бестолковый (*kotjake*). В Приботнии известно ругательство *Saatanan kotku!* ‘чёртов негодяй (мошенник, бандит)!’ [26]. В этом же ряду и номинации ленивого, бездельника: *kotjake*, *kotjale*, *kotkelo*, *kotko*, *kötky*, *kötkelö*. В карельских говорах, судя по словарным данным, семантика лени, безделья представлена в *köčäkkä*, *köčäkkö* ‘ленивый и упрямый’, а также глагольных основах *kočakhuo*, *kočkottoa* ‘бездельничать’, *kočskittella* ‘противиться, упрямиться’. При этом присутствует и семантика ‘твёрдый’: фин. *kotjake* ‘о твёрдом, жёстком мясе’, карел. *kočakka*, *kočakko* ‘о твёрдой (заросшей дёрном) земле’, *köčöi* ‘струп’, *köčäkkä* ‘о подсыхающей корочке (струпе) на заживающей ране, о замёрзшей сосульке’.

4. **Könsä:** фин. *könsä*, *könsikkä*, *könsikäs*, *köntsikkä* *köntsikäs* ‘медлительный, неуклюжий, громоздкий’. Полезно включить в этот ряд и финское *pojan köntsikkä* ‘ленивый упрямый, своенравный мальчишка’: оно сопоставляется с вепс. *könž* [18, 90] (в [10, 268] со ссылкой на этот же источник *könz*) ‘мальчуган’. Вепсская номинация по случайности была зафиксирована Лаври Кеттуненом у южных вепсов и позволяет, таким образом, констатировать устойчивость и номинации, и образа в прибалтийско-

финском мире. В вепском присутствовал не осложнённый суффиксом вариант именования, зафиксированный и в финских говорах. В карельских диалектах *könčiškö* ~ *könčiškö* ‘медлительный, увалень, ленивый’, *könčäkkä*, *köndžäkkä* ‘громоздкий и неуклюжий’; собс.-карел. *laiskan könčäkkä* ‘ленивый увалень’ [КТК]. В этом же перечне фонетическая модификация, представленная финским и карельским *köntys* ‘медлительный, неуклюжий, увалень’ и её заднерядные финские диалектные соответствия *kontus* и *kontura* ‘о медлительном, неповоротливом, беспомощном человеке’. Сема ‘ленивый’ находится на периферии семантического спектра, однако сам ряд важен в плане семантической деривации и возможной реконструкции исходной семантики.

5. *Töhmä* – дескриптивная основа, которая образует и в финских, и в карельских говорах большой ряд производных – от характеристики заснеженной дороги до тугодума, простака и неряхи [12, 309; 26, 5, 1491]. В нём есть и место ленивому: фин., карел. (тверские говоры) *laiskan töhmäkkä* ‘леноватый’ [26, 5, 1491]. Не вполне ясна иерархия в семантической деривации и вообще, входят ли перечисленные слова в одно этимологическое гнездо (например, сема ‘неряха’ явно спровоцирована созвучием с *töhräkkä* ‘грязный, неряха’, входящим в другое гнездо), однако просматривается некоторая регулярность в семантических отношениях. Она выражается в наличии сегмента ‘малоподвижный, жёсткий’ в *töhmäkkä* ‘окоченевший, жёсткий (от холода)’, *töhmöttyä* ‘одеревенеть (о ногах)’, а также в заднерядных *tohmerikko* ‘замёрзшая колея’, *tohtoa* ‘застыть (на морозе)’ [26, 5, 1491].

6. *Kihnu* как номинация бездельника известна в западных финских говорах, при этом как одна из сем в ряду с ‘медлительный, нерасторопный’ и ‘бестолковый’. Производные *kihhuri*, *kihnutin*, *kihnus* обозначают медлительных и бестолковых в работе, сема ‘лентяй’ напрямую им не присуща. В карельском (собс.-карел.) основа известна только как глагольная: *kihnuttoa* ‘тянуть с усилием, рывками’, согласуясь с фин. *kihnutta* ‘тереть(-ся), растирать’.

7. *Sitkeä* – многозначное определение, в финском литературном языке оно известно в

прямом значении, применительно к веществу ‘вязкий, тягучий, неподатливый’ (напр., о глине, тесте, дереве) и переносном ‘крепкий, выносливый; упорный; упрямый, настойчивый’ [23, 3, 213]. В говорах семантический спектр шире и включает семы ‘скупой, скарденный’, а также ‘медлительный’ и важную в контексте статьи ‘ленивый’. В карел. *sitkie*, *šitkie* напрямую семантика безделья не представлена, но просматривается в словосложении *laiskan sitkie* ‘леноватый’ [КТК], а также в важных с точки зрения реконструкции исходной семантики ‘о трудновыполнимой, требующей много сил работе’ глаголах *sitketä* ‘замедлиться’, *sitkitteä* ‘делать медленно, затягивать выполнение’ [26, 4, 1046-1047; 16].

8. *Vänkä*. В заключение обширная группа фонетических модификатов *venkV-* / *vonkV-* / *vänkV-* / *vönkV-* и их производных, в семантическом поле которых присутствует сема ‘ленивый’. Этимологические источники признают, что, возможно, произошло наложение нескольких по звучанию близких дескриптивных основ, что привело и к наложению их семантики [26, 6, 1841]. Наиболее интересно из них гнездо *vänkV-*, которое представлено во всех прибалтийско-финских языках, в то время как другие только в финских и карельских говорах. В нём находят своё место подавляющее большинство семантических модификаций: большой, громоздкий (*vänkäle*, *vänkkäle*, *vänkelä vänkerä*), строптивый, упрямый (*vänkä*, *vänkilä*, *vänkevä*), медлительный (в глаголах *vänkäillä* ‘медлить’, *vänkiä* ‘работать медленно’). Представлена и семантика ‘жёсткий, негибкий, вязкий’: *vänkeä*, *vänkelä* ‘негибкий (об удочке)’, ‘густой (о каше)’, ‘жёсткий (о пружине)’. Сема ‘ленивый’ занимает в этом гнезде довольно ограниченный сегмент: *vänkäle*, *vänkylä* в связке с ‘большой, громоздкий’, а также ‘медлительный’. Значительно больше фиксаций, в которых закрепились семантика ‘сопротивляться, упрямиться, оспаривать’. Сема ленивый присуща в большей степени модификатам *venkula*, *vengula*, *vonkelo*, *vonkula*, *vöngylä*, *vongaleh*, *vöngäle*.

Приведённые гнезда слов демонстрируют устойчивый набор сем, который в обобщённом виде представлен в таблице.

Сема ‘ленивый’ в семантической структуре многозначных слов

Ленивый	Медлительный	Увалень	Упрямый	Тугодум	Жёсткий, твёрдый
jona	+	+	+	+	+
jähmä	+	+	+		+
kihnu	+			+	+
kotka		+	+	+	+
könsä	+	+	+		+
sitkeä	+		+		+
töhmä				+	+
vänkä	+	+	+		+

В представленном семном наборе ‘медлительный’ и ‘увалень’ близки и перекрывают в значительной степени друг друга. Разница состоит в основном в том, что ‘увалень’ ориентирована более чётко на некоторые характеристики внешности – неповоротливого, громоздкого, как правило, крупного человека.

Каково место ленивого, лодыря в этом ряду, как эти признаки сцепляются между собой, есть ли какая-то логика развития? Это не всегда очевидно, однако некоторые соображения можно высказать. Формирование понятия ‘ленивый’ требует некоторой абстракции, оно не визуально, как неуклюжий, не столь однозначно, как медлительный, и, пожалуй, более комплексно, чем упрямый. Поэтому и стояло оно, скорее всего, в конце цепочки семантического развития, во всяком случае, прямая сцепка медлительный → ленивый, неуклюжий → ленивый вполне реальна. А вот связка ленивый – упрямый не столь очевидна, хотя некоторые контекстные примеры подтверждают наличие признака упрямства при характеристике бездельника: *junčisko* ‘об упрямой, ленивой лошади’, *köntsikkä* ‘ленивый упрямый, своенравный мальчишка’ и др.

Нет однозначного ответа и на то, какое качество является исходным в связке ленивый – бестолковый. С одной стороны, лентяю не хочется не только работать, но и думать, и тогда лень первична. С другой стороны, бестолковый не способен к работе, и в этой логической связке первична умственная неполноценность [4, 35].

Этимологический словарь финского языка [28], который приводит часть из привлечённых к статье номинаций, в этимологическом плане

характеризует их как дескриптивные, не углубляясь далее в их расшифровку. Однако обращение к семному анализу представленных слов даёт возможность «проследить движение мысли в акте номинации, услышать голос человеческой личности, познающей и осваивающей мир» [3, 10], иначе говоря, понять мотив номинации: почему для именованного бездельника использовались именно такие основы и чем они вызваны. Анализ повторяющегося набора сем позволяет вычленить общий ядерный элемент, объединяющий их, и восстановить в большинстве случаев предшествующий, более ранний этап в семантической деривации, внутреннюю форму слов. Таблица, приведённая выше, показывает, что всем представленным здесь основам присуща в том или ином виде характеристика ‘твёрдый, жёсткий, негибкий’: замёрзший, застывший, скрюченный от холода (пальцы), задеревенелый (о ногах после долгого сидения), оледенелый (напр., дорога или лыжня), тугой (замок), вязкий (смола на морозе), кривое узловатое неподатливое дерево, загустевший (скишее молоко и загустевшая простокваша). Известно, что ассоциативная связь с тем или иным свойством вещества является одним из универсальных способов языковой концептуализации внутреннего мира человека [4, 162]. Эти характеристики твёрдого и негибкого логично и естественно переносятся на увальню, отличающегося медлительностью, неуклюжестью, громоздкостью, негибкостью движений. В семантической деривации место номинаций лодыря, видимо, не развивается непосредственно из ‘твёрдого и жёсткого’, а опосредовано семантикой ‘медлительный, неповоротливый’.

В этом контексте логично полагать, что сема ‘упрямый’ как характеристика ментальных и поведенческих особенностей человека выросла самостоятельно из характеристики свойств объектов как ‘твёрдых, жёстких, негибких’ и, таким образом, первоначально не было прямой сцепки ленивый – упрямый.

Дальнейшее этимологическое исследование позволяет связать номинации свойств вещества с производящими основами, маркирующими медленное, с преодолением сопротивления движение, до полной его остановки: ползти, тащить за собой что-то, протискиваться в узкую щель, тереть, цепенеть.

Прежде чем разъяснить эту позицию, приведём в качестве фона результаты нашего небольшого исследования по номинации трудолюбивых в прибалтийско-финских языках, к которому было привлечено более двух десятков слов [6]. Оказалось, что номинации работяг имеют вторичный характер и восходят к наименованиям, с одной стороны, динамических качеств ‘быстрый, бойкий, энергичный’, с другой, душевных особенностей (‘увлечённый, страстный, жадный’), которые этимологически тесно связаны. Выявилось, что в конечном счёте они восходят к основам, маркирующим быстрое, резкое, интенсивное движение – от ходьбы до удара или порыва ветра. Цепочка семантического развития выглядела так: ‘быстрое резкое движение’ → ‘быстрый, энергичный, страстный’ → ‘трудолюбивый’:

фин. *topata*, *topostaa*, ‘семенить, притопывать, стучать ногами’ → карел. *toppie* ‘быстрый’ → ‘усердный’;

фин. *käpäätä* ‘быстро идти, шагать’, карел. ‘легонько ударить, стукнуть’ → фин. *käpeä* ‘быстрый, бойкий; юркий’ → ‘рукастый, умелый; трудолюбивый’;

фин. *roimia* ‘бить, хлестать, швырять, бросать’ → *roima* ‘бойкий, живой’ → *roimakka* ‘быстрый, проворный; работающий’.

Как на этом фоне выглядит логика развития семантики ‘ленивый’? При анализе антонимичных концептов логично реконструировать универсальную линию семантического развития: от быстрого движения к трудолюбивому, а от медленного, соответственно, к ленивому. К отдельным глагольным фиксациям, отмеченным выше в связи с представлением лексических гнезд, добавим ещё некоторые данные, подтверждающие выдвинутый тезис:

Juntti: фин. *juntata* ‘медленно брести, медленно делать’, *juntia* ‘о медленной, причиняющей боль ходьбе или работе’, карел. *junnata* ‘тянуть, тащить медленно, с трудом’. Очевидно, в этом же ряду фин. *juntelehtaa* с семантикой ‘сопротивляться, противиться, упрямитесь’, где идея тяжёлого движения выносится с физического уровня на ментальный;

Jähmä: фин. *jähmettyä*, *jähmetä* ‘застыть, заоченеть, затвердеть, задеревенеть’, *jähmiä* ‘медлить, опаздывать’, карел. *jähmistyö* ‘застыть, оцепенеть, замереть’;

Kihnu: фин. *kihnata*, *kihnuta* ‘делать медленно, с натугой, мучительно; *kihnata*, *kihnuttaa* ‘тащить, волочить; тереть, натирать; скрести, царапать’, карел. *kihnuuttoa* ‘плестись, едва передвигая ноги; тянуть, тащить с трудом, рывками’;

Kotka: фин. *kotkautua* ‘застревать, увязать, прилипнуть’, *kötjöttää* ‘брести, с трудом переставляя ноги’;

Könsä: фин. *könsiä*, *köntiä*, карел. *köntitä*, *köntšötteä* ‘двигаться медленно, ползти, передвигаться на четвереньках’, фин. *könttyyttää* ‘с трудом ковылять’, карел. *könčistyö* ‘застыть, оцепенеть (напр., от холода)’; скрючиться; одеревенеть’;

Vänkä: фин. *vängätä*, *vengata* ‘идти с трудом; спорить, сопротивляться’, *vänkiä* ‘сжимать, давить, сгибать’, *vänkeyksissä* ‘быть втиснутым в узкую щель’, см. также наречие *vängellä* ‘наильно’.

Будучи дескриптивными, глагольные основы характеризовались многозначностью, и разные исходные значения такой многозначной производящей основы вели к разным деривационным последствиям: в одном случае к характеристике медлительного в движениях, неуклюжего, в другом – упрямого, своенравного. Выявленная закономерность семантической эволюции имеет безусловный этимологический потенциал, предлагая некий ориентир в поисках истоков названия.

Обсуждение и заключение

Таким образом, номинации бездельников, как, впрочем, и многих других личностных характеристик человека, носят в прибалтийско-финских языках вторичный характер. При этом они выступают как один из компонентов полисемантического слова, наряду с семемами ‘медлительный’, ‘упрямый’, ‘неумный’.

Иерархия их не до конца ясна. Видимо, они испытывали взаимное влияние, сема 'ленивый' сочетает в себе признаки медлительности, упрямства, в какой-то степени и глупости. В их основе вычленился общий ядерный элемент, характеризующий свойство вещества: твёрдый, жёсткий, тугой, плотный, что вполне укладывается в универсальный способ рождения номинаций, описывающих внутренний мир человека. Сама же характеристика вещества напрямую соотносится с глагольными основами, маркирующими медленное, сопряженное с преодолением препятствий движение, или даже его полное завершение, в связи с чем позволительно реконструировать в основе прототипическую (исходную) семантику движения. Косвенным образом предложенная линия семантического развития подтверждается антонимическими номинациями трудяг, возникшими в конечном итоге из глагольных основ, обозначающих быстрое, резкое движение.

Выявленная парадигма задает направление дальнейшему анализу. Дело в том, что помимо именовании, возникших на основе исходной семантики 'твёрдый, жёсткий, плотный',

семантическое поле 'ленивый' включает целую группу номинаций (фин. *hökkeä, kutale, kählä, lelvä, lemetti, luuratti, lorppi, lotka, lötväkkä, notka, vetelä, vetkä* и др.), которые тоже выражены полисемантическими словами, однако в их семантической структуре присутствует ядерная сема, выражающая жидкое, тягучее состояние вещества или характеризующее предметы как бесформенные, мягкие и поддающиеся сгибанию: дряблая кожа, жидкое болото, слабый узел, мягкое жидкое тесто или каша, слабый кофе или обезжиренное молоко. Соответственно, применительно к человеку они характеризуют его как вялого, инертного, безвольного, а ещё болтливое и ленивое. По сути дела, перед нами ряд номинаций, базирующихся на идее 'мягкий', который, во-первых, косвенно подтверждает правильность выделения серии, основанной на антонимичном признаке 'твёрдый'. Во-вторых, вырисовываются несколько разные исходные трактовки образа лентяя: в первом случае активное нежелание работать, во втором – отсутствие жизненных сил, энергии для работы.

Список сокращений

вепс. – вепсский язык, карел. – карельский язык, ливв. – ливвиковское наречие карельского языка, собс.-карел. – собственно карельское наречие карельского языка, фин. – финский язык.

Список источников и литературы

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка). М.: Наука, 1974. Т. 1. 474 с.
2. Березович Е. Л., Сурикова О. Д. Сев.-рус. беспелюха и другие континуанты праслав. **peḍliti* // Волго-Двинское междуречье и Белозерский край: история и культура регионов по лингвистическим данным / под ред. О. В. Мищенко, Л. А. Феоктистовой, Ю. А. Кривошаповой. Екатеринбург; М.: Кабинетный учёный, 2025. С. 110-133.
3. Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 334 с.
4. Еремина М. А. Лень и трудолюбие в зеркале русской языковой традиции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. 204 с.
5. Зайцева Н. Г., Жукова О. Ю. «Говорить» по-вепски: именованья некоторых глаголов речи в языке вепсов (лингвогеографический и семантико-этимологический аспекты). // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 3. С. 376–388.
6. Муллонен И. И., Пашкова Т. В. Семантическая модель «усердный» в прибалтийско-финских языках // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14. № 2. С. 214–221.
7. Пашкова Т. В. Лексема *Jumal* 'Бог' в карельском языке: лингвокультурологический аспект // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 1 (56). С. 78–86.
8. Пашкова Т. В. Об именованьях водяного в карельском языке: семантико-этимологический аспект // Вестник угроведения. 2024. Т. 14. № 4 (59). С. 687–694.
9. Пашкова Т. В., Родионова А. П. Именованья знахаря и колдуна в карельском этноязыковом пространстве // Вестник угроведения. 2023. Т. 13. № 1 (52). С. 134–142.
10. Словарь вепсского языка / сост. М. И. Зайцева, М. И. Муллонен. Л.: Наука, 1972. 746 с.
11. Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.
12. Словарь собственно-карельских говоров Карелии / сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко. Петрозаводск: Книгоград, 2009. 752 с.

13. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
14. Толстая С. М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М.: Индрик, 2019. 704 с.
15. Jääskeläinen A. Adjektiivien polysemiaa konstruktioissa. Miten tiheyden adjektiivien merkitykset ilmenevät? // *Virittäjä*. 2023. Vol. 127. № 3. Pp. 316–344.
16. Karjalan kielen sanakirja / toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. Vol. 1–6. URL: <https://kaino.kotus.fi/kks/?p=advsearchform> (дата обращения: 20.03.2025).
17. Kelomäki T. Nuorgrammaattisuuden myytti suomen kielen tutkimuksessa. Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen ja kotimaisen kirjallisuuden laitos, 2009. 123 p.
18. Kettunen L. Lõunavepsa haalikajalugu. I. Konsonandid. Tartu: Soome Kirjanduse Selts, 1922. 135 p.
19. Koponen E. Itämerensuomalaisten kielten meteorologisen sanaston etymologiaa // *Virittäjä*. 1999. № 4. Pp. 506–530.
20. Koski M. Lauri Hakulinen semantikkona // *Virittäjä*. 1999. Vol. 103. № 4. Pp. 580–585.
21. Metsäranta N. ‘Sister’, ‘daughter’ and ‘brother’ – etymological discussion of a few borrowed Uralic kinship terms // *Linguistica Uralica* LIX. 2023. № 3. Pp. 161–180.
22. Nirvi R. Kiihtelysvaaran murteen sanakirja. Helsinki: Karjalaisen kulttuurin edistämissäätiö, 1974–1981. Vol. 1–10.
23. Nykysuomen sanakirja / päätoim. Matti Sadeniemi. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström OY, 1978. Vol. 1–3.
24. Pohjanvalo P. Salmin murteiden sanakirja. Täydennysosa. Helsinki: SKS, 1950. 428 p.
25. Ruoppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // *Virittäjä*. 1955. Vol. 59, № 3. Pp. 222–238.
26. Suomen kielen etymologinen sanakirja / toim. Y. H. Toivonen, Erkki Itkonen (Lexica Societatis Fenno Ugricae XII). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958–1981. Vol. 1–7.
27. Suomen murteiden sanakirja. URL: <http://kaino.kotus.fi/sms/> (дата обращения: 20.03.2025).
28. Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja / toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Vol. 1–3 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556). URL: <https://kaino.kotus.fi/ses/> (дата обращения: 20.03.2025).
29. Teeri-Niknamoghdam K. When important is ‘ahead’. The use of motion-implying front grams in spatial metaphors of importance in Finnish // *Cognitive Semantics*. 2019. Vol. 5 (1). Pp. 91–120.

Reference

1. Apresyan Yu. D. *Izbrannyye trudy. Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected Works. Lexical semantics (synonymous means of language)]. Moscow: Nauka Publ., 1974. Vol. 1. 474 p. (In Russian)
2. Berezovich E. L., Surikova O. D. *Sev-rus. bespelyukha i drugiye kontinuanty praslav. *pędliti* [North-Russian word *bespelyukha* and other continuants of Proto-Slavic word **pędliti*]. *Volgo-Dvinskoye mezhdurech'ye i Belozerskiy kray: istoriya i kul'tura regionov po lingvisticheskim dannym* [Volga-Dvina interfluvium and Belozersky region: history and culture of regions based on linguistic data]. Ed. O. V. Mishchenko, L. A. Feoktistova, Yu. A. Krivoschapova. Yekaterinburg; Moscow: Kabinetnyj uchyonyj Publ., 2025. Pp. 110–133. (In Russian)
3. Vendina T. I. *Srednevekovyi chelovek v zerkale staroslavjanskogo yazyka* [Medieval man in the mirror of the Old Slavonic language]. Moscow: Indrik Publ., 2002. 334 p. (In Russian)
4. Eremina M. A. *Len' i trudolyubie v zerkale russkoj yazykovoi traditsii* [Laziness and hard work in the mirror of the Russian language tradition]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta Publ., 2014. 204 p. (In Russian)
5. Zaytseva N. G., Zhukova O. Yu. “Govorit” po-vepsski: imenovaniya nekotorykh glagolov rechi v yazyke vepsov (lingvogeograficheskiy i semantiko-etimologicheskiy aspekt) [“To speak” in the Vepsian: names of some verbs of speech in the Vepsian language (linguo-geographic and semantic-etymological aspects)]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (3), pp. 376–388. (In Russian)
6. Mullonen I. I., Pashkova T. V. *Semanticheskaya model' “userdnyy” v pribaltiysko-finskikh yazykakh* [Semantic model “diligent” in the Baltic-Finnish languages]. *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no. 14 (2), pp. 214–221. (In Russian)
7. Pashkova T. V. *Leksema Jumal ‘Bog’ v karel'skom yazyke: lingvokul'turologicheskiy aspekt* [The lexeme Jumal ‘God’ in the Karelian language: linguocultural aspect]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (1/56), pp. 78–86. (In Russian)
8. Pashkova T. V. *Ob imenovaniyakh vodyanogo v karel'skom yazyke: semantiko-etimologicheskiy aspekt* [About the naming of water spirits in the Karelian language: semantic and etymological aspect]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2024, no. 14 (4/59), pp. 687–694. (In Russian)
9. Pashkova T. V., Rodionova A. P. *Imenovaniya znakharya i kolduna v karel'skom etnoyazykovom prostranstve* [Names of a healer and a sorcerer in the Karelian ethno-linguistic space]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2023, no. 13 (1/52), pp. 134–142. (In Russian)
10. *Slovar' vepsskogo yazyka* [Dictionary of the Vepsian language]. Comp. M. I. Zaytseva, M. I. Mullonen. Leningrad: Nauka Publ., 1972. 746 p. (In Russian, Vepsian)

11. *Slovar' karel'skogo yazyka (livvikovskiy dialekt)* [Dictionary of the Karelian language (Livvi dialect)]. Comp. G. N. Makarov. Petrozavodsk: Karelia Publ., 1990. 495 p. (In Russian, Karelian)
12. *Slovar' sobstvenno-karel'skikh govorov Karelii* [Dictionary of the proper Karelian dialects of Karelia]. Comp. V. P. Fedotova, T. P. Boyko. Petrozavodsk: KnigoGrad Publ., 2009. 752 p. (In Russian, Karelia)
13. Tolstaya S. M. *Prostranstvo slova. Leksicheskaya semantika v obshcheslavyanskoi perspektive* [The space of a word. Lexical semantics in the Slavic perspective]. Moscow: Indrik Publ., 2008. 528 p. (In Russian)
14. Tolstaya S. M. *Mir cheloveka v zerkale yazyka. Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniiyu i etnolingvistike* [World of a man in the mirror of language. Essays on Slavic linguistics and ethnolinguistics]. Moscow: Indrik Publ., 2019. 704 p. (In Russian)
15. Jääskeläinen A. Adjektiivien polysemiaa konstruktioissa. Miten tiheyden adjektiivien merkitykset ilmenevät? *Virittäjä*, 2023, no. 127 (3), pp. 316–344. (In Finnish)
16. *Karjalan kielen sanakirja*. O. 1–6. Toim. P. Virtaranta, R. Koponen, M. Torikka, L. Joki. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1968–2005. Available at: <https://kaino.kotus.fi/kks/?p=advsearchform> (accessed March 20, 2025). (In Finnish, Karelian)
17. Kelomäki T. *Nuorgrammaattisuuden myytti suomen kielen tutkimuksessa*. Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen ja kotimaisen kirjallisuuden laitos, 2009. 123 p. (In Finnish)
18. Kettunen L. *Lõunavepsa haalikajalugu*. I. Konsonandid. Tartu: Soome Kirjanduse Selts, 1922. 135 p. (In Estonian)
19. Koponen E. Itämerensuomalaisten kielten meteorologisen sanaston etymologiaa. *Virittäjä*, 1999, no. 103 (4), pp. 506–530. (In Finnish)
20. Koski M. Lauri Hakulinen semanttikona. *Virittäjä*, 1999, no. 103 (4), pp. 580–585. (In Finnish)
21. Metsäranta N. 'Sister', 'daughter' and 'brother' – etymological discussion of a few borrowed Uralic kinship terms. *Linguistica Uralica LIX*, 2023, no. 3, pp. 161–180. (In English)
22. Nirvi R. *Kiihtelysvaaran murteen sanakirja*. Helsinki: Karjalaisen kulttuurin edistämisseätiö, 1974–1981. Vol. 1–10. (In Finnish)
23. *Nykysuomen sanakirja*. Eds. Matti Sadeniemi. Porvoo; Helsinki; Juva: Werner Söderström OY, 1978. Vol. 1–3. (In English)
24. Pohjanvalo P. *Salmin murteiden sanakirja*. Täydennysosa. Helsinki: SKS, 1950. 428 p. (In Finnish)
25. Ruoppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä. *Virittäjä*, 1955, no. 59 (3), pp. 222–238. (In Finnish)
26. *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. Eds. Y. H. Toivonen, Erkki Itkonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958–1981. Vol. 1–7. (In Finnish)
27. *Suomen murteiden sanakirja*. Available at: <http://kaino.kotus.fi/sms/> (accessed March 20, 2025). (In Finnish)
28. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. Toim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000. Vol. 1–3. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556). Available at: <https://kaino.kotus.fi/ses/> (accessed March 20, 2025). (In Finnish)
29. Teeri-Niknamoghdam K. When important is 'ahead': the use of motion-implying front grams in spatial metaphors of importance in Finnish. *Cognitive Semantics*, 2019, no. 5 (1), pp. 91–120. (In English)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Муллонен Ирма Ивановна, главный научный сотрудник сектора языкознания, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (185910, Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11), доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, профессор.

irma.mullonen@hotmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5279-4880

ABOUT THE AUTHOR

Mullonen Irma Ivanovna, Chief Researcher, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (185910, Russian Federation, Republic of Karelia, Petrozavodsk, Pushkinskaya Str., 11), Doctor of Philological Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor.

irma.mullonen@hotmail.com

ORCID ID: 0000-0002-5279-4880